

гресса“. Если справедливо, что вѣрная оцѣнка современности требуетъ ясновидѣнія въ будущемъ, то все-таки теперь, въ концѣ XIX-го, не трудно свести главные задачи, намѣченные въ произведеніи Гёте, и въ которыхъ заключается интересъ его для нашего времени еще болѣе чѣмъ для современниковъ автора, къ слѣдующимъ положеніямъ: исканіе непреложной истины въ различныхъ сферахъ знанія; многосторонность знанія и опыта, какъ путь къ абсолютному, и безграничное совершенствованіе на основаніи универсальнаго знанія; согласованіе науки и жизни, т.-е. примѣненіе знанія и опыта къ дѣйствительности; сліянiе науки и поэзіи, примиреніе путемъ науки дѣйствительности и идеала, требованій разума и потребностей души; наконецъ, служеніе человечеству, какъ окончательное, единственно возможное рѣшеніе задачи, т.-е. общепользная дѣятельность, какъ высшее проявленіе разума. Въ этихъ чертахъ XIX-й вѣкъ узнаетъ себя; на нихъ указываетъ новая литература; онѣ дали произведенію Гёте то каноническое значеніе, котораго не могли бы упрочить за нимъ одни его художественныя достоинства. Но только въ широкомъ примѣненіи этихъ философскихъ основъ, въ самой сущности этихъ положеній, которыя, преимущественно во 2-ой части драмы, то облакаются въ символы, то стоятъ только въ зародышѣ, найдемъ мы удовлетворительное объясненіе существующаго взгляда на „Фауста“, не въ тѣхъ натяжкахъ и мелочно-произвольныхъ толкованіяхъ, которыя, доходя до абсурда, неоднократно осмѣивались нѣмецкой критикой.

Если неутомимая пытливость составляетъ главный признакъ современной жизни, то и „Фаустъ“ долженъ находить отголосокъ въ душѣ каждаго, живущаго современною мыслью. Подобно „Фаусту“, XIX-й вѣкъ предался изслѣдованію самыхъ разнообразныхъ областей, но потерялъ тѣ несложныя основныя истины, которыя однѣ даютъ *успокоеніе душъ и цѣну пріобрѣтеніямъ*. Недостатокъ окончательнаго вывода и въ немъ вызвалъ тотъ кризисъ, который сказывается въ болѣзненномъ колебаніи между самыми противорѣчивыми взглядами, сильнымъ возбужденіи мысли и глубокой тоскѣ. Если XIX в. и является преемникомъ скептицизма XVIII в., то скептицизмъ этотъ осложняется новыми оттѣнками и клонится къ тому компромиссу, который находитъ обычное свое выраженіе въ пантеизмѣ. Если характеръ каждой исторической эпохи опредѣляется преобладаніемъ одного интереса, то идеаломъ XIX-го в. служить тотъ универсализмъ, который наложилъ печать свою на драму Гёте. Отрѣшившись отъ прежнихъ формулъ, XIX-ый в. въ каждой области провозглашаетъ свободо-